

Терешкина Дарья Борисовна

ЧЕТЫ-МИНЕИ И РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НОВОГО ВРЕМЕНИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье дается теоретическое обоснование изучения проблемы влияния на русскую словесность Нового времени "Четырех Миней" как одного из этапных текстов русской культуры. Рассматривается особый характер памятника, его степень и формы влияния на русскую ментальность и художественное творчество, виды и способы репрезентации "Четырех Миней" в художественных произведениях русской литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 189-192. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MODALITY OF THE FUTURE TENSE IN THE TEXT

Sukhomlina Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
tanya-sukhomlina@yandex.ru

The article aims to describe the modal meaning of the Future Tense in the English text. The author concludes that the peculiarities of realization of the Future Tense modality in the English language are mostly conditioned by the established system of the language, unique features of its structure. The investigated modal meaning of the future is the basic component of the categorial meaning of the form of a verb which is inseparable from the semantics of tense.

Key words and phrases: semantics of the Future Tense; modality; categorial meaning; hypothetical character; realizations of the events; universal linguistic phenomenon.

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

В статье дается теоретическое обоснование изучения проблемы влияния на русскую словесность Нового времени «Четых Миней» как одного из этапных текстов русской культуры. Рассматривается особый характер памятника, его степень и формы влияния на русскую ментальность и художественное творчество, виды и способы репрезентации «Четых Миней» в художественных произведениях русской литературы.

Ключевые слова и фразы: Четьи-Минеи; энциклопедизм; гипертекст; интертекстуальность; маркер; минейный код.

Терешкина Дарья Борисовна, к. филол. н., доцент
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
nicolas_pyat@mail.ru

**ЧЕТЬИ-МИНЕИ И РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НОВОГО ВРЕМЕНИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[©]**

Русская литература (как и русская мысль в целом) евангелцентрична. Священное Писание стояло во главе угла русской ментальности. В отличие от него, Священное Предание существовало как авторитетный текст, но находящийся как бы вне обсуждения. Четьи-Минеи (сборник житий святых, расположенных по дням памяти на каждый день каждого месяца года), особенно после создания Дмитрием Ростовским в конце XVII – начале XVIII в. их наиболее полной редакции, стали в Новое время для русскоязычной среды одним из концептуальных текстов. Четьи-Минеи пользовались огромной популярностью и переиздавались множество раз, будучи постоянно редактируемыми и видоизменяемыми.

Однако наши исследования проблемы влияния Четых-Миней на русскую словесность выявили гораздо более сложную картину бытования концептуального текста русской культуры, чем это представлялось ранее.

Жития святых являются своего рода «образцовыми» текстами, имеют неполемический характер. Вследствие этого прямых философских отсылок к ним крайне мало – как к материалу, не продуктивному для дискуссий. Представляя «положительных», «образцовых» героев, а также относясь к официальной религиозной литературе, Четьи-Минеи оказались гораздо более востребованными в «низовой» среде, будучи популярными, в том числе за счет своих, полных чудес и героизма святых, сюжетов. В среде светской интеллигенции (с петровских времен поддерживающей в целом антиклерикальный способ мышления) авторитет Четых-Миней был несравненно ниже. Обращение к житийной модели человеческого бытия происходило, как правило, в поздние (либо относительно зрелые) периоды творчества автора; это наблюдается по отношению ко всем без исключения фигурам русской (прежде всего светской) словесности. Широко известны слова Ф. М. Достоевского: «...по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четых-Миней – о, не всей, конечно, книги, – но распространен дух ее по крайней мере <...> потому, что есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четых-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах, и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, барышники и притеснители, получали нередко странное и неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом, исполнить давно данное обещание. <...> Некрасов, создавая своего великого “Власа”, как великий художник, не мог и вообразить его себе иначе, как в веригах, в покаянном скитальчестве. Черта эта в жизни народа нашего – историческая» [1, с. 214-215].

Эта мысль, поэтически высказанная великим писателем, сейчас подтверждается не только отражением минейной традиции во множестве текстов русской литературы и в русском искусстве в целом, но и книговедческими данными. Нами *de visu* исследованы десятки томов Четых-Миней (изучались прежде всего владельческие, вкладные записи, прочие пометы вида, способа, интенсивности, среды и характера их использования); были изучены также описи различных библиотек и книжных собраний (в том числе личных) (См. подроб.: [10]). Оказалось, что из сохранившихся экземпляров Четых-Миней редкие из них представляют собой полный годовой комплект; в личных собраниях чаще встречаются отдельные тома (на ту или иную четверть года). Стоит отметить, что Четьи-Миней, тем не менее, распространялись в народе очень широко и самыми разными способами: чтением одного тома многими пользователями (в том числе в среде состоятельного и грамотного населения), устными пересказами, рукописными сборниками, включающими выписи из Четых-Миней и других житийных сборников, серийными дешевыми изданиями отдельных наиболее популярных житий, сборниками избранных житий для учащихся, «благочестивых детей» и т.д. Судя по вкладным записям отдельных книг Четых-Миней, они покупались за немалую плату и хранились в семье, передаваясь по наследству, дарились вкладами в церковь или монастырь, хранились у старосты в конторе и читались многими жителями поселения и т.д. Немалое значение имела литургическая практика: упоминание главных эпизодов жития на службе в церкви в день поминовения святого.

Визуальный тип народной культуры предполагал усвоение житийного материала посредством его иконописного воплощения. Минейные (соборные) иконы, житийные иконы, где в клеймах излагались подвиги святого, создавали свой сюжет жития, а конкретный набор икон в церкви, куда регулярно ходили одни и те же прихожане, создавал и свою, местную «минейку», где за каждым святым с его именем закреплялось название его по главному житийному подвигу (Пантелеймон-целитель, Анастасия-узрешительница и др.). Каждого святого «знали в лицо» (так, одна из информанток в Нижегородской губернии сказала про св. Наума: «А я такого святого еще ни разу не видела» [12, с. 270]), каждый день года имел своего святого-покровителя, свои приметы, в которых совмещались два календаря – природный и сакральный, дополнявшие друг друга.

Четьи-Миней имели энциклопедический характер. Весь корпус их текстов, как энциклопедия, как словарь, живет в культуре народа как пассивный запас, актуализирующийся в особых случаях, в том числе художественных задачах. Жития «популярных» святых (определенных исторически) живут в словесности, системе посвящения храмов (на территории России самыми распространенными, наряду с храмами во имя Христа и Богоматери, являются соборы во имя святых Пантелеймона, Анастасии, Параскевы-Пятницы, Николая Мирликийского, Александра Невского и др.), традиции иконописи, стеной храмовой росписи и т.д. Повторенные в других видах искусства, распространенные жития святых все более популяризировались, входили в круг регулярно читаемых и пересказываемых текстов, актуализировались в русском именнике и традиции празднования именин.

Четьи-Миней представляют собой гипертекст. Каждое житие в их составе имеет ссылки на другие агиографические памятники, отражает поэтику уподобления и вечной повторяемости при уникальности судеб в именах и житийных подвигах. Четьи-Миней представляли возможность читать их в нелинейной последовательности, избирая нужное в данное время, данному читателю. Понятие «гипертекст» отнюдь не является лишь принадлежностью текстового пространства лишь книжного и лишь энциклопедически организованного. Уже давно говорится о гипертексте в устном народном творчестве [4]. Исследуя влияние Четых-Миней на русскую словесность, необходимо иметь в виду такое явление, как интертекст гипертекста.

На наш взгляд, именно интертекст гипертекста является наиболее «естественным» для текстопорождения. Все больше высказывается мнений о том, что любой текст, будучи перекрестком других текстов, вряд ли имеет в качестве текстов-источников определенные и обозримые единицы; это всегда суммарное и неочевидное влияние, которое может осознаваться или не осознаваться автором, иметь или не иметь маркированные элементы, распознаваться читателем или угадываться им интуитивно и т.д. В этом смысле возможность стать текстом-источником у гипертекста гораздо более очевидная – подобно энциклопедии или словарю, в которых информация всегда гораздо более объемна, чем сумма составляющих их частей, и которые используются непреднамеренно, естественно и «суммарно», т.е. как концепция, источник концептов, сюжетов, тем, мотивов и т.д., а также как *система* всех этих отдельных элементов.

В случае с Четьями-Миней их рассмотрение как гипертекста-источника возможно по нескольким главным причинам.

Четьи-Миней имеют назидательный смысл. Эта их общая направленность, идущая еще от первого замысла и сохраняющаяся во все последующие века от редакции к редакции, независимо от конкретных текстов, сюжетов и «персоналий», действует как совокупный опыт, как часть Священного Предания православной церкви, тем «явлением Христа в человеческой жизни», которая, не отменяя христоцентричности русскоязычного сознания, рассыпается в русской словесности конкретными образами, героями, идеями и темами, ставшими «отражением» основного евангельского учения, создали принцип *imitatio Christi* в его совокупности, в общности, минейности подвижников и героев-ориентиров для подвижничества. Это обстоятельство, обусловленное, в том числе, действием Четых-Миней как концептуального для России текста, во многом определило совершенно особую характеристику русской литературы, ее нравственную идеологическую направленность, которая отмечается и вне связи с корпусом агиографических и учительных текстов Четых-Миней, хотя эта связь очевидна.

Интертекстуальность агиографического текста, уже хорошо описанная, как правило, имеет эксплицитный характер. Влияние сюжета, имен героев, их характеров, устойчивых признаков их поведения, образ мыслей, модус их восприятия автором и др. – все это прямо коррелирует с житийным текстом, и, как правило, очевидно, видно

во вторичном тексте «невооруженным глазом» (хотя и имеет, несомненно, гораздо более обогащенный смысл, нуждающийся в интерпретации, в том числе скрытых элементов). В случае с интертекстом гипертекста Четьих-Миней эти элементы, по большей части, носят имплицитный характер, и, не отменяя прямое влияние конкретного житийного текста на вторичный текст, составляют другой уровень интертекстуальности. Этот уровень предполагает включение в интертекстуальные связи другие тексты того же ряда и, как правило, того же источника (гипертекста), отсылка к которым необходима для адекватного понимания произведения. Повторим: в интертекст второго уровня включаются не тексты вообще, а другие тексты гипертекста, что не нарушает модуса анализа и таким образом не подменяет один смысл другим. Эти гипертекстовые интертекстуальные связи не только не очевидны во вторичном тексте, но и достаточно сложно описываются – не потому, что они принципиально отличаются от уже исследованных (суть остается единой), а потому, что неочевидное сложнее доказывается.

В случае с интертекстуальными связями авторских текстов, в которых корреляция к претекстам иногда приобретает характер четко выраженных согласия или конфронтации с позицией автора текста-источника, интертекстуальность становится способом репрезентации автора в тексте, выражения авторской идеи и других маркеров присутствия автора или его заместителей в тексте [13, с. 50]. В отношении текста Четьих-Миней это почти исключено. Несмотря на то, что Четьи-Миней, бытовавшие в Новое время, были авторскими, ни стиль и замысел автора, ни качество его творения не были предметом дискуссии или (тем более) объектом критики. Это связано с тем, что агиография представляла собой часть Священного Предания, а особое положение фигуры Дмитрия Ростовского, его подвижнический труд и самоотреченная жизнь предопределили и его официальную канонизацию уже в XVIII в., и отношение к нему как к древнерусскому книжнику, смирение и богодухновенное осознание несовершенства своего труда которого даже не предполагали какой-либо критики. Его творение либо включали в поле вновь создаваемых текстов, либо ограничивались молчаливым почитанием. В последнем случае интертекстуальные связи актуализировались читателем, если в это поле Священного Предания он был включен личным опытом. Можно констатировать, что в случае с Четьими-Минейми мы имеем дело с *транстекстуальностью*, т.е. таким способом взаимодействия (диалога) текстов, который существует независимо от отношений их авторов. Это тем более важно, если учесть, что тексты (и претекст (Четьи-Миней), и вторичные тексты) являются авторскими и что Четьи-Миней вместе с тем являются концептуальным текстом русской словесной культуры. Это ставит Четьи-Миней в исключительную, уникальную позицию в русской литературе Нового времени.

Как в любом гипертексте, в Четьих-Минейях есть активный и пассивный корпус текстов. Именно благодаря гипертекстуальным связям пассивный корпус текстов Четьих-Миней не оставался невостребованным: он «подтягивался» к известным текстам через целую систему уподоблений, сравнений с более ранними подвижниками церкви, прямых цитат и точных указаний на источники тех или иных известий. Это создавало особый тип отношений между текстами Четьих-Миней – *паратекстуальность*, т.е. отношения текста с его ближайшим околотекстовым окружением, актуализируемым читателем в той мере, которая ему была доступна и потенциал которой был заложен в претексте (подобным образом актуализируется в сознании читателя и Евангелие, некоторые цитаты из которого большинство носителей языка цитируют наизусть, а часть текста становится релевантной лишь в отдельных случаях). Это и позволяет считать интертекст Четьих-Миней отличным от интертекстуальных связей с отдельным агиографическим претекстом, которые зачастую сводятся к прямому заимствованию и очевидному влиянию (стилистическому, образному, сюжетному), в котором признаков интертекстуальности гораздо меньше, чем в случае с гипертекстом Четьих-Миней.

Четьи-Миней стали в истории русской словесности этапным явлением. Они представляют собой явление национальной *книжности*, а не только *круга чтения*. В отличие от круга чтения, имеющего непостоянный состав и стремительно меняющийся в зависимости от потребностей читающей публики и множества прочих обстоятельств (моды, тиража, действия цензуры и проч.), книжность всегда национальна и представляет собой поступательно развивающуюся традицию. Четьи-Миней по одному этому признаку не могли не стать органичной частью русского менталитета.

Дмитрий Ростовский как святитель и составитель Четьих-Миней стал первым канонизированным святым Нового времени. Это во многом определило начало традиции осмысления в русской словесности сакральности поэта (согласно афоризму «Поэт в России – больше, чем поэт»), его положения пророка, развитого и закрепленного русской литературой. Следует отметить, что подобное отношение к писателю – как пророку – формировалось не сразу, в том числе и в европейском сознании [5, с. 498-520]. В русской литературе самовозвеличение поэта (основанное, несомненно, на реально существовавшей рецепции поэта в обществе) начинает ясно звучать в поэзии Державина, проявляется в официально поддерживаемом культе Ломоносова, а у Пушкина достигает высочайшего предела: «... тот факт, что Пушкин характеризует свой памятник как “нерукотворный”, отсылает к традиции иконопочитания: поэтическое “я” становится объектом христианской сакрализации. <...> культ собственной поэзии и собственного “я” вырастает у Пушкина до небывалых размеров, вплоть до кощунства. Однако это превознесение самого себя ограничено принятой ролью: поэзия Пушкина притязает на то, чтобы служить не монарху, но русскому “народу” и его “свободе» [5, с. 520; 8]. Примечательно, что эта роль, взятая на себя поэтом и не воспринимаемая как кощунство вследствие давней традиции поэтического мотива «поэт-пророк», перешла затем и к великим писателям, ставшим выразителями философии эпохи, уже не претендовавшим открыто на роль «прорицателей истины». За них это сделало народное сознание.

Выделить «маркеры присутствия» в произведении четьи-минейного текста сложно, если на Четьи-Миней в самом произведении нет прямого указания (такие авторские указания, тем не менее, достаточно часты,

охватывают произведения самых разных жанров, начиная от мемуарных «Записок» А. Т. Болотова [2, с. 344] и заканчивая «Рецептом Мефистофеля» К. Случевского [9, с. 486-487]; часты отсылки к Четым-Миней у П. И. Мельникова-Печерского [7, с. 43], Н. С. Лескова [6, с. 290], А. К. Толстого [11, с. 361] и др.). Все сюжеты, мотивы, образы и прочие очевидные и неочевидные отсылки к тексту Четых-Миней чреватны необязательностью и гипотетичностью. Приходится ограничиваться знаковыми элементами интертекста и вводить так называемые «смысловые пятна», или *минейный код текста*. В случае с Четыми-Миней это *имена, церковные праздники, биографически житийная схема* (в том числе смерть или гибель героя, особенно если она нетипична), *система персонажей как система имен собственных и житий тезоименитых святых, семья героя* и его связь с родственниками как отражение «модели собора», *красота героя* (в том числе или прежде всего духовная) как выражение его житийной ипостаси и особо отмечаемая автором, *абстрагированность* (как только герой уходит от реальности и становится выше земного – его жизнь превращается в житие; все «любимые автором», «ищущие» герои таковы), *радость* как превалирующее состояние героя и как модус его восприятия жизни. Ключевым понятием минейного кода в тексте становится *язык, слово* как единственно адекватное отражение «культурной памяти» народа, одним из концептов которой стали «Жития святых» Дмитрия Ростовского.

Итак, «Четы-Миней», как явление книжности, имеющие развитие до сих пор (последнее издание осуществлено в 1998 г. [3]), оказали значительное и многообразное влияние на русскую словесность Нового времени. Являясь одним из базисных текстов русской литературы, «Четы-Миней» отразились в устной народной словесности, в литературных произведениях разных жанров в виде тем, сюжетов, идеи, стилистики, композиции, а также в системе приемов, могущих считаться маркерами минейного кода гипертекста «Четых-Миней» во вторичных по отношению к нему текстах русской литературы.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. 418 с.
2. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: Современник, 1986. Ч. 8, письмо 86-е. 768 с.
3. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней св. Дмитрия Ростовского. Киев: Киево-Печерская лавра, 1998. 8240 с.
4. Иванова А. А. Гипертекстовые системы как феномен локальной фольклорной традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Рябининские чтения – 2003: мат-лы IV Междунар. науч. конф. Петрозаводск: Киж, 2003. С. 31-33.
5. Клейн И. Пути культурного импорта: труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянских культур, 2005. 576 с.
6. Лесков Н. С. Очарованный странник // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 218-336.
7. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Красильниковы. Из дорожных записок // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Повести и рассказы. М.: Современник, 1985. С. 38-55.
8. Пяткин С. Н. О стихотворении Бориса Садовского «Памятник» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 9 (150). С. 90-95.
9. Случевский К. К. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подг. текста, примеч. Е. А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. 816 с.
10. Терешкина Д. Б. Печатные «Четы-Миней» Дмитрия Ростовского в книжных собраниях: к вопросу о бытовании книги в народной среде // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Історичні науки. Педагогічні науки. Філологічні науки: збірник наукових праць. Ізмаїл: ІДГУ, 2013. Вип. 32. С. 136-142.
11. Толстой А. К. Смерть Иоанна Грозного // Толстой А. К. Против течения: Поэзия. Драматургия. Проза / сост., предисл. и комм. О. Е. Майоровой. М.: Слово, 2001. С. 294-386.
12. Фольклор Сосновского района Нижегородской области / сост. А. Н. Каракулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова; под общ. ред. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород: Растр-НН, 2013. 505 с.
13. Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. 197 с.

THE MENOLOGY AND RUSSIAN LITERATURE OF THE MODERN AGE: ON THE PROBLEM STATEMENT

Tereshkina Dar'ya Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
nicolas_pyat@mail.ru

In the article the theoretical justification for studying the problem of influence on the Russian literature of the modern age of "The Menology" as one of the landmark texts of the Russian culture is given. The author considers the special nature of the monument, its degree and forms of influence on the Russian mentality and artistic creativity, and the types and ways of representation of "The Menology" in the literary works of the Russian literature.

Key words and phrases: the Menology; encyclopedism; hypertext; intertextuality; marker; menological code.